
Ольга Ривн
ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД ГРОМОВЫХ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Том 1

Ольга Риви

Запретный плод Громовых. Том 1

https://litres.ru/74788033
SelfPub; 2026

Аннотация

Она продана за долги отца и выдана замуж за чудовище. Но в доме Громовых есть один секрет, который опаснее любого долга, это его сын.

Он вернулся с войны, чтобы уничтожить отца, а она стала случайной жертвой в этой игре. Между ними ненависть, общая боль и желание, которое невозможно контролировать.

Когда ты принадлежишь одному, но жаждешь другого, каждый поцелуй становится предательством, а прикосновение — приговором.

От автора: В книге вас ждут:

- Эмоциональный контраст
- Медленное нарастание интимного напряжения.
- Трансформация героини.
- Запретная связь.
- Детективная линия.
- Столкновение альф

Ольга Риви
Запретный плод
Громовых. Том 1

Пролог

Я сидела на краю огромной кровати в доме, который теперь должна была называть своим, и считала минуты до прихода мужа. В спальне было душно, хотя Марта только сейчас затопить камин, словно пытаясь выжечь из этой комнаты всё живое. Свадьба прошла так давно, но я всё ещё помню белое платье, фальшивые улыбки и шампанское, от которого меня мутило. Артём весь день держал меня за локоть так крепко, что под пальцами очень долго оставались синяки, но при этом он лучезарно улыбался гостям. Мы выглядели как идеальная пара, хотя на деле это была просто удачная сделка. Отец не мог ко мне прийти, и хорошо, его сердце бы щемило от боли, он просто не нашёл бы в себе силы смотреть мне в глаза, отдавая меня в руки этого мерзавца, который держал в страхе пол города.

Дверь открылась без стука, и я вскинула голову, мгновенно забыв, как дышать. На пороге стоял не Артём. Захар подпёр плечом дверной косяк и смотрел на меня так, будто я была не законной женой его отца, а дорогой вещью, которую он пришёл оценить перед тем, как взять поиграть.

Чёрная рубашка с закатанными рукавами открывала край татуировки на загорелой коже предплечье, а от него самого пахло не приторным парфюмом Артёма, а табаком и холодным ночным воздухом.

— Ну здравствуй, мачеха, — произнёс он с лёгкой усмешкой, и от этого слова у меня внутри всё оборвалось.

— Я тебе не мачеха, — ответила я, стараясь звучать уверенно, но голос предательски дрогнул, выдавая мой страх.

Захар хмыкнул и медленно переступил порог, закрывая за собой дверь. Щелчок замка прозвучал в тишине комнаты как выстрел. Он подошёл ближе, и я инстинктивно вскочила с кровати, пятясь назад, пока спиной не упёрлась в холодное стекло окна. Захар остановился в шаге от меня, слишком близко для родственного приветствия. Я видела, как бьётся жилка у него на шее, и чувствовала исходящий от него жар. Его тёмные глаза медленно скользнули по моему лицу, задержались на губах и спустились ниже, к голым плечам, которые едва прикрывала тонкая бретелька сорочки.

— Ты хоть понимаешь, во что вляпалась, куколка? — спросил он низким, хриплым голосом, в котором слышалась опасная насмешка.

— Понимаю, — выдохнула я, хотя сердце колотилось где-то в горле.

— Врёшь, — он сократил расстояние до миллиметра. — Ты думаешь, что это просто богатый дом и скучный муж? Ты попала в клетку к хищнику, который любит ломать всё, что

ему принадлежит. Отец не просто забирает долги, он стирает личность.

— Ты же знаешь, что у меня не было выбора, — тихо, но с напором выпалила я. — Меня просто продали…

Он поднял руку, и я зажмурилась, ожидая удара, но почувствовала лишь невесомое прикосновение. Его палец медленно, почти ласково провёл по моей ключице. Я вздрогнула всем телом, но это была не дрожь страха. А что-то более пугающее, словно электрический разряд, который прошил меня насквозь.

— Ты дрожишь, — заметил он, и в его голосе теперь не было насмешки, только хищное любопытство. — От холода или от того, что я к тебе прикоснулся?

Я не ответила, потому что знала, любой мой ответ будет ложью. Захар наклонился к самому уху, и его горячее дыхание обожгло кожу. Я вцепилась пальцами в подоконник, чтобы просто не сползти по стене.

— Запомни одну вещь, Аня. В этом доме у тебя нет друзей, а те, кто кажутся добрыми, просто ждут своего часа. Но есть я. И поверь, я самое опасное, что могло с тобой случиться в этом проклятом месте. Я могу как погубить тебя, так и спасти. Выбирай.

Он отстранился так же резко, как и подошёл, оставив после себя звенящую пустоту. Развернувшись, он направился к выходу, но у самого порога остановился и бросил через плечо:

— Кстати, отец сегодня не придёт. У него «важные дела», которые важнее новой жены. Можешь выдохнуть и поспать спокойно.

Я сползла по стене на пол, прижимая ладони к пылающим щекам. В голове стучало только одно, что он знал, как сильно я боюсь ночи со своим мужем, и пришёл не для того, чтобы спасти меня, а чтобы напомнить, что настоящий кошмар только начинается. Но вместе с этим страхом пришло странное, запретное чувство. С этой минуты у меня появилась тайна, которая пахла ночной прохладой и опасностью.

— Ты ещё не знаешь, девочка, — донеслось из коридора, хотя дверь была уже закрыта, — что я вернулся сюда не ради наследства. Я вернулся, чтобы сжечь империю моего отца дотла. А ты… ты теперь в этой игре. И, кажется, ты мне нравишься.

Я замерла, перестав дышать. Он не ушёл. Он всё ещё стоял там, за дверью, и слушал, как бешено бьётся моё сердце…

Глава 1

Телефон завибрировал под подушкой, вырывая меня из какого-то тяжёлого сна. Я открыла глаза и поморщилась от резкого света экрана. Три часа ночи, пропущенный от отца. Внутри всё сжалось, потому что папа никогда не звонил в такое время, а если и случалось что-то срочное, он просто приходил ко мне.

Я перезвонила почти сразу, но в трубке долго шли бесконечные гудки, от которых по коже пополз холодок. Я сбросила вызов и набрала снова, потом ещё раз, чувствуя, как паника начинает медленно затапливать лёгкие. На четвёртый раз кто-то всё-таки взял трубку, но это был не папа.

— Алло, это дочь Сергея Соболева? — голос в трубке был усталым, и слишком официальным, от чего мне стало ещё страшнее.

Я замерла, босиком стоя на ледяном полу, и уставилась на свои дрожащие пальцы. Голос продолжал что-то говорить про трассу, про грузовик, который вылетел на встречную, про то, что отец не справился с управлением. Слова долетали до меня обрывками, они не складывались в общую картину, а просто били наотмашь.

— Девушка, вы меня слышите? Пожалуйста, ответьте, — голос стал чуть мягче, но в нём всё равно сквозило это раздражающее сочувствие людей, которые говорят такие вещи по десять раз на дню.

— Да, я слышу, — соврала я, сглотнув ком в горле.

На самом деле я ничего не понимала. Я просто стояла в тишине своей комнаты и ждала, что сейчас телефон снова зазвонит, и папа рассмеётся, скажет, что это какая-то нелепая ошибка или он просто оставил мобильный в машине. Я представляла, как он заходит на кухню, ворчит про плохую связь и ставит вариться кофе, как делал это каждое утро.

Но в комнате была только тишина, и папа больше не пе-

резванивал.

***

Катерина, моя лучшая подруга, прилетела через час, даже не дав мне возможности умыться и привести в порядок лицо. Она буквально ворвалась в квартиру, сгребла меня в охапку и, заставив посмотреть себе в глаза, почти прокричала:

— Аня, послушай меня внимательно. Я с тобой, слышишь? Что бы ни случилось, я никуда не уйду, так что даже не думай закрываться в себе.

Я только кивнула, потому что слова застряли в горле плотным комом, мешая дышать.

Утром мы приехали в морг, химический запах резко ударил мне в нос, возвращая в реальность. Пока нас заставляли ждать в коридоре, мы сидели на жёстких металлических стульях, тесно прижавшись друг к другу. Катерина крепко сжимала мою ладонь, и этот контраст был почти болезненным. Её рука была живой и тёплой, а моя ледяной, словно я уже сама стала частью этого места.

— Может, воды принести? Или чего-нибудь сладкого? — тихо спросила она, заглядывая мне в лицо с искренней тревогой. — Ты бледная как смерть, Ань. Ты вообще сегодня что-нибудь ела, кроме своих слёз?

— Кать, пожалуйста, просто помолчи, — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё натягивается, как струна, готовая лопнуть от любого лишнего звука.

Она замолчала, но руку не отпустила, и эта поддержка бы-

ла единственным, что удерживало меня на плаву. Когда наконец вышел врач в помятом белом халате и сухо сообщил, что пора идти на опознание, я встала на ватных ногах. Катерина пошла следом, хотя я не просила, впрочем, я знала, что одна я бы просто рухнула прямо в этом коридоре.

Папа лежал на металлическом столе, накрытый простынёй до груди. Лицо выглядело почти обычным, если не считать тёмного пятна на виске, которое кто-то неумело попытался замазать. Я смотрела на него и в какой-то момент поймала себя на мысли, что сейчас он моргнёт, усмехнётся и скажет: *«Ну чего ты, дочка, не плачь. Я же здесь, всё наладится»*.

Но он молчал. И эта тишина была самой громкой вещью в моей жизни.

— Это он, — произнесла я, и собственный голос показался мне чужим, надтреснутым, будто принадлежал кому-то другому.

***

Последние недели папа стал каким-то чужим. Я видела, как он сгорает изнутри, но глупо списывала всё на обычный стресс и завалы по бизнесу. Он почти перестал спать, и по ночам я слышала, как он мечется по квартире, а в кабинете бесконечно скрипит старый пол под его тяжёлыми шагами.

Однажды я застала его на кухне в три часа ночи. Он сидел в полумраке, уставившись в одну точку, а перед ним стояла чашка давно остывшего чая и разбросанные бумаги. Стоило

мне войти, как он вздрогнул всем телом и поспешно перевернул листы, словно я могла увидеть там что-то запретное.

— Ты почему не в постели? — спросил он, стараясь вернуть голосу привычную строгость, но вышло как-то жалко.

— Не спится. Пап, что происходит? Ты выглядишь так, будто не спал неделю. Расскажи мне, в чём дело, — я подошла ближе, пытаясь заглянуть ему в глаза.

Он выдавил из себя улыбку, но она была натянутой и фальшивой.

— Просто завал на работе, Ань. Глупости всё это, иди ложись, завтра рано вставать.

Я тогда поверила. Просто хотела верить, что всё поправимо. А зря.

За неделю до аварии он сказал вещь, которая до сих пор отдаётся холодом в груди. Мы сидели на кухне, он медленно пил кофе, глядя куда-то сквозь стену, и вдруг, почти шёпотом, произнёс:

— Ань, послушай меня внимательно. Если вдруг к тебе придут незнакомые люди, пока меня нет, не открывай. Вообще никому, даже если будут представляться кем угодно. Поняла?

— Папа, ты меня пугаешь. О чём ты вообще говоришь? Какие люди? — я поставила чашку на стол, чувствуя, как внутри начинает зарождаться тревога.

— Просто пообещай мне, что сделаешь так. Это важно, Аня. Пожалуйста, просто пообещай, — он наконец посмот-

рел на меня, и в его глазах я впервые увидела животный страх.

— Обещаю, — выдохнула я, сжимая пальцы в кулак.

Он коротко кивнул и замолчал, обрывая разговор на полуслове. Больше мы к этому не возвращались, и я даже не подозревала, что это было его последнее предупреждение перед тем, как моя жизнь превратится в ад.

***

День похорон выдался паршивым. Ка назло было ветрено, с небом, которое, казалось, вот-вот рухнет на землю. Людей собралось мало — пара соседей, старые знакомые отца и Катя, которая всё время пыталась меня поддержать, хотя сама выглядела так, будто ошиблась адресом. Я стояла у гроба, чувствуя, как холод пробирается под кожу, и смотрела, как папу опускают в землю. Внутри всё выгорело дотла, осталась только глухая, звенящая пустота. Хотелось закричать, чтобы этот мир наконец заметил мою боль, но я просто молчала, позволяя слезам течь по щекам. Ну где же все его друзья и партнёры? Этих трусливых лицемеров как ветром сдуло. Кроме одного.

В какой-то момент я кожей почувствовала чужой взгляд. Тяжёлый и оценивающий, почти осязаемый всем мои телом.

Артём Громов стоял в стороне, под старым деревом, словно затаившийся хищник. Дорогое чёрное пальто, тёмные очки, руки в карманах. Он не подошёл, не произнёс ни слова соболезнования, просто наблюдал. Я видела, как люди во-

круг, которые ещё минуту назад что-то шептали, вдруг начали расступаться перед ним, стараясь даже не дышать в его сторону. В этом жесте была животная покорность. Никто не спрашивал, кто он такой, ведь в этом городе имя Громова знали все, и знали, что с ним лучше не связываться.

Катерина крепко сжала мой локоть, почти до боли, и зашептала, не сводя глаз с мужчины: — Ань, ты только посмотри на него. Кто это вообще такой? Как будто он пришёл сюда не на похороны, а покупать этот участок земли вместе с нами.

— Не знаю, Кать, и знать не хочу, — соврала я, стараясь не смотреть в сторону Артёма.

Но я знала. Папа однажды упоминал его в разговоре, и в его голосе тогда промелькнул страх, который я никогда раньше не слышала. Этого одного раза хватило понять, что этот человек опасен.

Артём простоял ещё минуту, медленно сканируя меня взглядом с ног до головы, будто прикидывая стоимость товара. Затем он так же бесшумно развернулся и ушёл. Я смотрела ему в спину, и по позвоночнику пробежал ледяной озноб. Он пришёл не прощаться с отцом. Он пришёл посмотреть на меня, и в этом взгляде не было ни капли жалости, только расчетливый интерес нарцисса, который нашёл новую игрушку.

***

Я нашла его через два дня после похорон. Телефон папы стал моей единственной связью с ним, и я буквально жила

в нём, перебирая чаты, старые фото и заметки, пытаясь собрать по кусочкам то, что осталось от нашей жизни в этой пустой квартире. В мессенджере, в переписке с самим собой, я наткнулась на черновик, там было голосовое сообщение, которое он так и не отправил. Когда я нажала «воспроизвести», голос папы прозвучал глухо, с каким-то странным надрывом, будто он говорил, задыхаясь или пытаясь скрыть панику.

— Аня, если ты это слушаешь, значит, я не успел... — он запнулся, и я почти почувствовала его дрожь. — Ничего не подписывай. Слышишь? Вообще ничего. Пока не поговоришь со мной, я всё объясню. Только, пожалуйста, не...

Запись оборвалась на полуслове. Я переслушала её раз десять, а потом ещё десять, пока слова не начали сливаться в один бесконечный гул. В итоге я просто сползла по стене в его кабинете и разрыдалась, задыхаясь от осознания, что он всё знал. Чёрт возьми, он всё знал и всё равно оставил меня одну.

Через три дня раздался звонок в дверь. Катерина была на работе, так что я подошла к порогу в полном одиночестве, внезапно вспомнив папин старый совет: «Не открывай незнакомым».

— Кто там? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Лев Борисович, — ответил спокойный, слишком выверенный мужской голос. — Я был юристом вашего отца,

Анна Сергеевна. Нам нужно обсудить несколько важных вопросов.

Я никогда не слышала об этом человеке, но папа всегда держал свои дела в секрете, так что я решила рискнуть. Приоткрыв дверь и оставив цепочку, я увидела мужчину лет пятидесяти в безупречном сером костюме. С кожаным портфелем в руке и лицом таким гладким, будто он всю жизнь тренировался улыбаться, сообщая людям о смерти или банкротстве.

— Здравствуйте, Анна. Примите мои искренние соболезнования, — он слегка склонил голову, но в глазах не было ни капли сочувствия, только холодный расчёт.

— Спасибо. Что вам нужно от меня сейчас? — я смотрела на него с недоверием, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Нам нужно поговорить. Это касается наследства и некоторых... юридических тонкостей, которые нельзя оставлять без внимания.

Я помедлила. В голове всплыл голос из телефона: «Ничего не подписывай». Но с другой стороны, если этот человек знал папу, может, он объяснит, что за чертовщина происходила в последние месяцы. Я сняла цепочку и впустила его.

Мы устроились на кухне. Лев Борисович поставил портфель на стол, но открывать его не спешил, вместо этого он медленно оглядел мою скромную кухню, оценивая обстановку, будто прикидывал стоимость всего имущества.

— Ваш отец оставил после себя определённые обязательства, — начал он, аккуратно подбирая слова.

— О каких обязательствах речь? — я сжала кружку с остывшим чаем, чувствуя, как пальцы начинают леденеть.

— Финансовые, Анна. Крупные долги, которые теперь, по закону и по договоренностям, переходят на наследников.

Я посмотрела ему прямо в глаза, пытаясь понять, лжёт ли он.

— Папа был должен вам? Или вы просто пытаетесь меня запугать?

Лев Борисович усмехнулся, и эта улыбка была похожа на оскал.

— О, нет, мне ваш отец ничего не должен. Но сейчас имеет значение только один человек, которому он задолжал столько, что никакой наследственностью это не покрыть.

Он наконец щёлкнул замком портфеля и выложил передо мной папку с документами. Я смотрела на бумаги, но буквы расплывались, превращаясь в чёрные пятна. Единственное, что зацепило взгляд, это итоговая сумма внизу листа. Я перестала дышать, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться в висках.

— Это... это невозможно. У меня нет таких денег, — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Именно поэтому мы здесь, — Лев Борисович откинулся на спинку стула, рассматривая меня с бесстрастным любопытством. — Артём Громов готов обсудить с вами усло-

вия урегулирования этого долга. Лично.

Я молчала, оглушённая этим именем. В ушах всё ещё звучало: *«Ничего не подписывай».* Но папы больше не было, и защищать меня было некому.

— И какие же условия? — спросила я, стараясь вернуть себе остатки самообладания.

Лев Борисович улыбнулся ещё шире, и мне стало страшно. — Это вы обсудите с ним сами, завтра, в его доме.

Он встал, быстро собрал документы и направился к выходу. Уже в дверях он обернулся, бросив напоследок:

— И ещё, Анна Сергеевна. Очень советую не опаздывать. Артём Громов человек серьёзный, он не прощает неуважения и ненавидит, когда его заставляют ждать.

Дверь закрылась, оставив меня в звенящей тишине. Я смотрела на пустой стол и понимала, что выбора у меня нет. Завтра я пойду в логово человека, который, скорее всего, и стал причиной того, что мой отец так и не успел мне позвонить.

Глава 2

Я не спала всю ночь. Сидела на кухне, кутаясь в старый отцовский свитер, который всё ещё пах его одеколоном, и сверлила взглядом папку, оставленную Львом Борисовичем. Руки мелко дрожали, когда я в третий раз перебирала листы, пытаясь найти хоть одну зацепку. В ушах до сих пор звенел

папин голос, но теперь говорить было не с кем, и эта тишина в пустой квартире давила на плечи сильнее, чем любые долги.

Я вглядывалась в цифры и мелкий шрифт, который расплывался перед глазами, пока не замерла. Внутри всё оборвалось, дата на одном из договоров займа стояла на два дня позже, чем уведомление о просрочке.

Это был явный фальсификат. Документ составили так, будто отец уже был должен, ещё не успев получить деньги. Кто-то просто не заморачивался с деталями, зная, что проверять их будет некому. Я схватила телефон и набрала Катю. Она ответила после третьего гудка, голос был сонным, но в нём сразу проскользнула тревога.

— Ань, ты с ума сошла? Время четыре утра, — Катя зевнула прямо в трубку, и я почти видела, как она потирает заспанные глаза. — Что случилось? Ты опять в этих бумагах закопалась?

— Кать, мне нужен юрист. Настоящий, который не будет дрожать при упоминании фамилии Громова. Ты знаешь кого-нибудь, кто рискнёт взглянуть на эти документы? — я сжала телефон так сильно, что побелели костяшки.

В трубке повисла тяжёлая пауза. Я слышала, как подруга резко села в кровати, отбросив одеяло.

— Ты про те макулатуры, что притащил этот мерзкий тип? Я же говорила тебе, не открывай ему дверь, не слушай его! Ань, лезть в это сейчас — всё равно что прыгать в пасть к

тигру. Ты хоть понимаешь, с кем играешь? Громов не прощает любопытства, он просто стирает людей из жизни.

— Именно поэтому мне и нужен кто-то, кто не побоится, — отрезала я, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость.

— Ладно, не ори на меня, — вздохнула Катя, её голос стал серьёзнее. — Дай мне пару часов, я попробую через знакомых пробить кого-то надёжного. Но обещай мне, что не подпишешь ни одной бумажки, пока я не перезвоню. Слышишь? Ни одной.

— Обещаю, — соврала я, понимая, что в этой игре обещания не стоят даже той бумаги, на которой они написаны.

Дверь в квартиру распахнулась без стука, с грохотом ударившись о стену. Я вздрогнула и выронила телефон. В проёме стоял Артём Громов. Он выглядел безупречно даже в этот час. На нём был дорогой тёмно-серый костюм, идеально выглаженная рубашка, холодный взгляд, который буквально раздевал и оценивал. Он вошёл в кухню, не спрашивая разрешения, и обвёл комнату брезгливым взглядом, словно здесь было грязно.

— Читаешь? — он заметил папку на столе и усмехнулся, подходя ближе. Его голос был тихим, но в нём чувствовалась сталь. — Любопытно. Но я бы на твоём месте не пытался играть в детектива, Аня. Это не твой уровень.

Он остановился в шаге от меня. Артём медленно протянул руку и кончиком пальца приподнял мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. Его прикосновение было ледяным.

— Твой отец был неудачником, — произнёс он с какой-то странной жестокостью. — Он проиграл всё. И тебя в том числе. Теперь ты — часть моего имущества. Но я человек щедрый, поэтому предлагаю сделку. Ты можешь либо гнить в нищете, пытаясь судиться с человеком, который владеет этим городом, либо переехать в мой дом.

Я попыталась отстраниться, но он сжал пальцы чуть сильнее, почти до боли.

— В каком качестве? — прошептала я, чувствуя, как сердце колотится о рёбра.

— В качестве моей личной прислуги, — он улыбнулся, и эта улыбка не коснулась его глаз. — Будешь подавать кофе и молчать, когда я этого требую. Официально — ты отрабатываешь долг, в качестве моей жены. Неофициально — ты будешь напоминанием о том, как низко может пасть любой, кто посмеет со мной тягаться. Собирай вещи, девочка. Машина будет у подъезда через десять минут.

Он отпустил меня так резко, что я едва не потеряла равновесие. Артём развернулся и пошёл к выходу, бросив через плечо:

— И папку оставь. Она мне больше пригодится, чем тебе.

Когда дверь за ним закрылась, я медленно сползла по стене на пол. В голове пульсировала одна мысль, он не просто хочет забрать мои деньги, он хочет через меня преподать другим урок.

***

Делать было нечего. Перед моральным уничтожением надо было выяснить, что вообще происходит и как все этого можно было избежать. Я приехала в офис к адвокату. Лев Борисович встретил меня в своём кабинете с той же приклеенной улыбкой, что и вчера. Он сидел за массивным столом и лениво перебирал бумаги, даже не удосужившись предложить мне сесть. Я устроилась сама, с грохотом положила папку перед собой и посмотрела ему прямо в глаза, стараясь скрыть, как дрожат пальцы.

— Я хочу независимую консультацию, — отрезала я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — В этих документах сплошные несостыковки, и я не собираюсь подписывать какую-то хрень, в которой ничего не понимаю.

Он медленно поднял взгляд, отложил ручку и откинулся на спинку кресла. Улыбка стала шире, но глаза остались холодными и пустыми.

— Анна, вы, кажется, не до конца осознаёте, в какой заднице оказались, — он усмехнулся, и этот звук заставил меня вздрогнуть. — Ваш отец задолжал очень серьёзным людям. Таким, которые не любят ждать и тем более не в восторге, когда какая-то девчонка начинает задавать лишние вопросы. Вы сейчас говорите о своих правах, но в этом городе они значат примерно столько же, сколько салфетка в дешевом кафе. Знаете, что бывает с теми, кто слишком долго упирается? Они просто исчезают. Вместе со всеми, кто им дорог.

Я сжала край стола так, что костяшки побелели. Он не

угрожал в лоб, но я кожей чувствовала этот яд, который медленно поднимался от живота к горлу, перекрывая кислород.

— Вы сейчас мне угрожаете? — голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

— Что вы, Анна, не говорите глупостей, — он примирительно поднял ладони, но взгляд остался хищным. — Я просто предупреждаю по-дружески. И очень советую не втягивать в это дело посторонних. Вашу подругу, Катерину, например. Милая девочка, было бы чертовски жаль, если бы у неё возникли проблемы из-за вашего упрямства.

Я замерла, чувствуя, как сердце забилось с бешенной скоростью. Он знал её имя. Знал, что я звонила ей, что она ищет юриста. Внутри всё скрутило от страха, и к глазам подступили слёзы, но я сглотнула их. Не здесь. Только не при этом скользком типе.

— Я вас поняла, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Вот и отлично. Тогда завтра в десять жду вас в доме Артёма Громова. Он хочет обсудить условия лично, так что не опаздывайте, я кажется вам уже говорил, что он этого не терпит.

Адвокат пододвинул ко мне визитку с адресом. Я схватила её и почти выбежала из кабинета, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

***

На следующий день я сама приехала в дом Громовых. Если уж мне и предстояла «казнь» за дела моего отца, то я не могла допустить унижения, в виде похищения посреди белого дня.

Артём ждал меня в гостиной. Он стоял у окна, заложив руки за спину, в идеально отглаженном костюме, который сидел на нём как броня. Когда я вошла, он даже не обернулся, продолжая смотреть на сад. Он всем своим видом показывал, что я была пустым местом.

— Подойди ближе, — скомандовал он холодным, властным тоном.

Я сделала несколько шагов, чувствуя себя маленькой и беззащитной перед этим человеком. Артём медленно повернулся, окинув меня оценивающим, почти брезгливым взглядом. Он подошёл вплотную, нарушая все границы моего личного пространства, и я почувствовала резкий запах его парфюма и дорогого табака. Меня резко затошнило.

— Твой отец оказался полным ничтожеством, Аня, но я тебе это уже говорил — он произнёс это спокойно, почти буднично, но в голосе сквозило такое презрение, что мне захотелось закричать. — Ты очень милая. Свеженькая, молодая, ещё не успела пожить порочной жизнь. Мне такие нра-

вятся. Я долго думал, что с тобой сделать и как пристроить тебя, чтобы деньги пошли.

— Что вы от меня хотите? Я ничего не умею, даже с мужчиной ни разу не была, — тихо говорила я, пытаясь унять дрожь в голосе.

— Ого! Да ты резко выросла в цене, милая. В свои двадцать один и не попробовать мужского тепла? Да ты талант. Или бракованная?

— Не ваше дело! — выпалила я, чувствуя, как злость подбиралась ко мне всё глубже.

Он протянул руку и грубо взял меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. Его пальцы сжали кожу слишком сильно, причиняя боль.

— Ты думала, я заставлю тебя продать себя в бордель? — он коротко рассмеялся. — Нет, это слишком просто. Тебе повезло, что личиком вышла, да ещё и девочка. Поэтому оставлю тебя себе. Мне нужно что-то более... изысканное. Ты будешь жить в этом, будешь моей официальной прислугой и исполнять любое моё желание без единого слова. Ты отработаешь каждый рубль, который твой папаш слил в казино.

Я попыталась отстраниться, но он сжал челюсть ещё крепче, почти до хруста.

— Не дергайся, — прошипел он, и в его глазах вспыхнула опасная, садистская искра. — Теперь ты здесь никто. Просто вещь, которая должна быть полезной. Либо ты соглашаешь-

ся на мои условия, либо завтра твоя подружка Катя окажется в очень неприятной ситуации, а ты составишь компанию своему папаше, пока земля ещё сырая. Выбирай быстро, я не люблю тратить время на пустую болтовню.

Я смотрела на него и понимала, что передо мной стоит настоящий ублюдок. Человек, который получает удовольствие от того, что ломает чужие жизни. Страх смешался с жгучей ненавистью, и в этот момент я поняла, что моя прежняя жизнь закончилась.

— Я согласна, — прошептала я, чувствуя, как внутри что-то надломилось.

Артём резко отпустил моё лицо и брезгливо вытер пальцы о платок.

— Вот и умница. Марта покажет тебе комнату.

— А что на счёт интима? — я дерзко вскинула подбородок, ведь терять мне уже было нечего. — Разрешение хотя бы спросишь или моё тело теперь только твоё?

— Я ни у кого не спрашиваю, просто беру, — он всё-таки соизволил посмотреть на меня. — Будешь ноги раздвигать, как только я прикажу. А откажешься или упрёшься, то предложение с папашкой будешь слышать чаще, чем собственный голос.

Он развернулся и ушёл, оставив меня одну в этой клетке, где воздух казался отравленным а страх не покидал людей, даже если хозяина дома нет.

***

Я вернулась в квартиру за вещами. Катерина ждала меня у подъезда, нервно стряхивая пепел на асфальт. Она курила, хотя клялась, что бросила ещё год назад, и сейчас эта привычка выдавала её с потрохами. Увидев меня, она отшвырнула окурок и почти сбила меня с ног, вцепившись в плечи.

— Ну что там? Что этот урод тебе выдал? Ань, блин, ты же белая как мел, ты вообще дышать-то можешь? — Катя заглянула мне в глаза, и я почувствовала, как её пальцы дрожат.

— Нет, Кать, не могу, — я уткнулась лбом в её плечо, стараясь сдержать всхлип. — Они всё знают. Про тебя, про юриста, про каждое твоё движение. Они следят за нами, понимаешь?

Катерина резко отстранилась, и в её глазах вспыхнули животным ужасом. Она на секунду замерла, а потом затараторила, размахивая руками:

— Что значит «знают»? Откуда, нахрен, они знают? Аня, это уже не какие-то детские игры в кошки-мышки, нам надо сваливать из этого города прямо сейчас! Я сейчас же соберу шмотки, и мы уедем к моей тётке в область, она приютит, спрячет, перевезёт куда угодно, только подальше от этого грёбаного Громова.

Я медленно покачала головой, чувствуя, как внутри всё выгорает, оставляя только серый пепел и пустоту.

— Не поможет, Кать. Ты не понимаешь, с кем имеем дело. Это не просто какой-то бандит с района, он держит здесь всё.

Если я попытаюсь сбежать, он достанет тебя, твою тётку и любого, кто просто поздоровался со мной за руку. Я не могу так рисковать тобой. Мы для него всего лишь игрушки.

— Да пошла ты со своим благородством! — Катя встряхнула меня так, что я едва устояла на ногах. — Ты не обязана приносить себя в жертву этому чудовищу, ты не вещь, чтобы её забирали в счёт долгов!

— А я теперь вещь, — я горько усмехнулась, глядя на свои пустые ладони. — Он был предельно ясен. Артём не собирается просто забирать деньги, которых нет. Он предложил мне «сделку», отрабатывать долг отца в его доме. Официально я буду женой, а на самом деле прислугой, но мы обе понимаем, что это значит. Я буду его личной тенью, игрушкой, кем угодно, лишь бы он не трогал тебя и оставил в покое остальных. Он знает, где ты живёшь и с кем спишь, Кать. Если я не переступлю порог его особняка, он начнёт с тебя.

Катя замолчала, её губы задрожали, а в глазах скопились слёзы. Она выглядела жалко и испуганно, но вдруг резко выдохнула, вытирая лицо рукавом кофты.

— Тогда я иду с тобой. Посмотрим, что этот ублюдок за себя принимает.

— Нет, — я отрезала это жёстко, почти грубо, чтобы она не успела возразить. — Ты остаёшься здесь и делаешь вид, что мы в ссоре или что я просто исчезла. Это единственный способ тебя защитить, единственный шанс, что он потеряет к тебе интерес. А потом мы что-нибудь придумаем.

Я обняла её в последний раз, чувствуя, как сердце разрывается от бессилия, и развернулась к дому. Я не оглядывалась, чтобы не видеть её слёз

***

Особняк Артёма Громова за высоким кованым забором больше напоминал современный мавзолей, чем жилой дом. Это был настоящий памятник тщеславия. Я стояла у ворот, сжимая в руках папку с документами так сильно, что пальцы побелели, а сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Охранник с каменным лицом молча провёл меня через двор, мимо вылизанных кустов и чёрных внедорожников, которые выглядели как караул у входа в ад. Внутри было чертовски холодно, несмотря на дорогущий ремонт и мягкий свет ламп. Меня встретила пожилая женщина в строгом тёмном платье, та самая Марта, если я правильно запомнила. Она даже не удосужилась представиться, просто сухо кивнула в сторону коридора, приказав идти прямо и заходить во вторую дверь справа.

Я шла по мрамору, и каждый мой шаг отдавался в ушах глухим, раздражающим стуком. Дверь кабинета была приоткрыта, и я, затаив дыхание, вошла внутрь. Артём Громов сидел за массивным столом спиной к окну. Свет падал так, что его лицо оставалось в тени, превращая мужчину в безликий силуэт. Он даже не поднял головы, когда я вошла, просто небрежно махнул рукой в сторону стула, мол, садись и не отсвечивай.

— Присаживайся, Анна. Давайте сразу к делу, я не люблю тратить время на пустую вежливость, — произнёс он, и в его голосе слышалось такое неприкрытое пренебрежение, будто я была назойливой мухой.

Я села, положив папку на колени, и почувствовала, как он буквально сканирует меня взглядом. Долго, медленно и не мигая.

— Я частично посвящу тебя в дела, которые тебя касаются, — Артём наконец подался вперёд, и я увидела его глаза. Холодные, серые, абсолютно пустые. — Теперь ты, как единственная наследница, будешь разгребать это дерьмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.